
Глеб Рощин
КОНТРАКТ
Ассистент Виктора Люциановича
Чтобы найти себя,
нужно сначала потерять всё
18+

Глеб Рощин

Ассистент Виктора Люциановича

https://litres.ru/74711618
SelfPub; 2026

Аннотация

Лев Зорин — журналист, потерявший работу, имя и веру в себя. Он получает предложение, от которого невозможно отказаться: стать ассистентом Виктора Люциановича — человека с ледяным взглядом, старинной тростью и безошибочным чутьём на чужие слабости. Так Лев попадает в мир, где информация стоит дороже золота, компромат — оружие, а человеческие судьбы разыгрываются как партии в шахматы. Постепенно он сам превращается в того, кого когда-то презирал: в инструмент чужой власти, в коллекционера чужих тайн и палача собственной совести.

Но однажды в этом мире теней появляются древний манускрипт, пророчество о смерти, розенкрейцеры, масоны и девушка, чей свет не вписывается ни в одну схему. Расследуя пожар, унёсший жизни людей, Лев оказывается между добром и злом, между любовью и предательством, между сделкой с дьяволом и единственным шансом на прощение. Это философский роман-притча о падении и воскресении души, о

цене свободы и о том, что даже из самой глубокой бездны можно взывать к свету.

Глеб Рощин
Ассистент Виктора Люциановича

Юрий Куприянов
Глеб Рощин

Ассистент Виктора Люциановича

философский роман-притча с элементами мистического триллера, социальной драмы и психологического детектива.

«Мораль не была ниспослана свыше в виде синайских скрижалей и навязана людям; мораль — это функция человеческой души...»
Карл Густав Юнг

Кто б ни был ты,
Из комнаты своей
Ты выйди до прихода темноты.
Пространство ляжет у твоих дверей, кто б ни был ты.

И вместо стен знакомых
Взгляд найдет на горизонте – дерево.

Оно как в раму неба встанет и замрет,
Высокое, далекое, одно.

И вот ты создал мир
И он велик.
Так слово зреет,
Разрывая грудь.

Теперь пойми его и вникни в суть.
И ты глаза опустишь в этот миг.

Райнер Мария Рильке

Предисловие

Публикую эту рукопись в память о моём друге Глебе Рощине, чья судьба в настоящее время мне доподлинно неизвестна. Я пишу эти строки, сидя за столом, где ещё недавно лежала его рукопись, и думаю о том, как странно устроена жизнь: мы храним чужие тайны, не зная, вернутся ли те, кто нам их доверил.

Рукопись пришла ко мне по почте — бандеролью, без обратного адреса, с краткой припиской, сделанной его рукой: «Храни. Отдашь лично в руки по возвращении». Я не знал тогда, что «возвращение» окажется столь долгим, что у меня не останется иного выбора, кроме как опубликовать на-

писанное. Иного способа сохранить его историю, которая теперь принадлежит не только ему, но и тем, кто возьмёт в руки эту книгу.

Я принял решение не редактировать текст. Ничего не менять, не исправлять, не приглаживать. Если в рукописи есть стилистические или жанровые огрехи — пусть они останутся на совести автора. Я лишь тот, кто передаёт. Не судья, не цензор, не соавтор. В конце концов, всякая история имеет право быть рассказанной так, как её запомнили, даже если память подводит, а воображение берёт верх над фактами. В старых книгах это называли «верность первоисточнику» — и я хочу быть верным не букве, а духу доверенного мне текста.

Когда я впервые прочёл эту книгу, она показалась мне плодом больного воображения. Я знал, что в последнее время у Глеба не всё шло гладко — слишком много странных совпадений, слишком много ночных звонков, слишком много необъяснимых пауз в разговорах, когда он вдруг замолкал и смотрел в одну точку, будто видел то, что скрыто от других. Роман показался мне мистификацией, написанной исключительно для самоуспокоения, своего рода терапевтическим актом — попыткой облечь в слова то, что тревожит тебя на уровне подсознания, придать форму тому, что не имеет формы.

Вполне возможно, Глеб ассоциировал себя со своим героем — Львом Зориным, журналистом, потерявшим всё и нашедшим себя на дне. В некоторых персонажах я узнал на-

ших общих знакомых — хотя, признаюсь, воспринимал их несколько иначе. В жизни люди часто кажутся проще, чем в книгах. Или наоборот — сложнее. Всё зависит от того, под каким углом смотреть. А Глеб всегда умел смотреть под таким углом, который другие не замечали.

Весь роман я, честно признаюсь, прочёл не отрываясь, на одном дыхании. Он стал увлекательным путешествием в ту часть жизни, что известна нам разве что по произведениям большой литературы — где реальность переплетается с вымыслом, где тени обретают плоть, а слова оказываются тяжелее поступков. И в чём-то он оказался для меня полезен. Я многое узнал о своём друге — о том, что он сам в наших разговорах публично не исповедовал, о чём умалчивал, пряча за иронией и отстранённой улыбкой. Книга стала его своеобразной исповедью — той, которую невозможно произнести вслух, но можно доверить бумаге.

Оставляю за читателем право судить о безумных фантазиях моего друга. Но не могу не сказать, что необыкновенная история, исходя из моего жизненного опыта, не воспринимается до конца мной как фантастика. Есть в ней что-то, что слишком точно совпадает с тем, что я слышал, видел или подозревал. Словно Глеб коснулся того, что лежит за пределами нашего обыденного восприятия, и попытался передать это словами, которые для этого не совсем приспособлены. С другой стороны, в каждой сказке есть иносказание и намёк, в качестве разумного поучения. И с этой стороны в книге чи-

татель может найти те глубинные проблемы, которые за мелочами текущей жизни не видны, но которые так определяют течение нашей жизни.

В этом контексте книга может быть полезной и поучительной — и заставит задуматься о том, насколько правильно все мы живём, с точки зрения неких божественных правил и истин, даже если эти истины мы предпочитаем забывать. Или делаем вид, что забываем. Или просто не хотим замечать, потому что заметив, пришлось бы что-то менять.

Спустя несколько дней после того, как я получил рукопись наложенным платежом по почте, на мою электронную почту пришло письмо от Глеба. Чтобы не портить роман спойлером, я разместил его в части, которая логично завершает всякий роман и называется эпилог. Поэтому читателю следует внимательно прочитать книгу до конца, не делая на каждой главе слишком поспешных выводов ни о книге, ни об авторе. Только в целости история может составить общее мнение — как пазл, который складывается в картину только когда все кусочки на своих местах. И только тогда становится понятно, что это за картина: портрет, пейзаж или, может быть, карта местности, по которой никто никогда не ходил.

На сем остаюсь — всё-таки, видимо, в память о моём друге — верным его другом и товарищем.

Кирилл Нечаев

Глава 1. Где спички складываются в пентаграмму,

пепел оказывается теплее ладана, а Лев Зорин впервые слышит, как рушится не только храм в его душе, но и его собственная реальность

Сожженные за спиной мосты – лучшее приглашение к путешествию в стиле нуар в поисках утраченного как ключ от сейфа с чужими деньгами, потерянного себя. Особенно когда в лабиринте настоящего время застыло уродливым сталактитом. И неважно, сами вы чиркнули спичкой или пламя лизнуло фитиль по воле так называемого случая.

Впрочем, что за ерунда этот «случай»? Всего лишь логическое, как костяшка домино, звено в том хаосе, что зовётся жизнью, одуревшей от бессмысленной борьбы с самой собой. В городе, где дожди пахнут чужими ошибками, случайность - всего лишь свойство ума, который боится признать, что у мироздания есть особенное тонкое чувство юмора,

Эта история началась под католическое Рождество. До боя курантов рукой подать, но пропасть между смолистым запахом разряженных елок и оливье с шампанским в холодильнике была размером с Ла-Манш. Время текло как расплавленный свинец: медленно, тяжело, со смертельной скукой - под бархатные хлопья снега, падающие словно в замедленной съёмке.

Квартира Льва Зорина находилась там, где центр города уже начинал краснеть от своего названия. Жилой комплекс «Золотые купола» - вывеска, достойная бульварного романа, где золото неизменно оказывается фольгой. Сама двуш-

ка значилась «евродвушкой», будто приставка «евро-» могла превратить бетонную коробку во что-то большее, чем временное укрытие для человека, платящего рабскую ипотеку. «Евро» звучало здесь так же нелепо, как тога на актере, изображающего патриция во второсортном провинциальном театре.

Но для Льва его убежище была Граалем, Меккой, башней из чёрного дерева. Местом, где он становился властелином роскошных фраз, собирающих тысячи лайков и комментов. Здесь рабочий кабинет и кухня давно перестали враждовать - и это было так удобно: не разграничивать, а смешивать. Жизнь не делится на «работу» и «еду», зачем же делить квадратные метры?

Между большим кожаным диваном и кухонной зоной возвышалась барная стойка из матового камня — низкая, по пояс, она не столько разделяла, сколько связывала. Лев любил готовить и через плечо поглядывать на экран, а потом перегибаться через стойку с вилкой в одной руке и правкой текста — в другой.

Диван из тёмно-бордовой кожи был достаточно жёстким, чтобы чувствовать комфорт — спать на нём в часы полуночного переписывания или падать лицом в подушку после четвертого стакана виски с яблочным соком. Мягкие диваны расслабляют и предают. Этот держал спину. Не давал согнуться в три погибели, когда в три ночи Лев правил восьмую версию статьи о коррупции — или писал в блог то, что

никогда не пропустила бы редакция. Жёсткость была честной.

Над столом — самодельные книжные полки. «Мельмот Скиталец», «Дон Кихот», Ривертес, Леонид Андреев соседствовали с Бахтиным и автобиографией Ричарда Брэнсона. На отдельной полке возвышался виниловый проигрыватель Technics и стопка любимых пластинок - от Дэвида Боуи до Bauhaus и Nine Inch Nails. Лев редко включал музыку на ноутбуке. Винил был ритуалом: достать диск из конверта, опустить иглу. Тот самый звук — тёплый, с лёгким почти неслышным потрескиванием. Добро пожаловать в мир рок-н-ролла!

На письменном столе как всегда царил творческий беспорядок: ультратонкий ноут, блокнот в потёртой коже и бокал с недопитым чилийским вином. Хаос, в котором Лев ориентировался с закрытыми глазами.

То утро для Льва Зорина не предвещало ровным счётом ничего. Начальник новостного отдела в местном издательском доме «Волжский Коммерсант», а по тайной, неутолённой жажде души — блогер, кормящий своей жизнью сто тысяч анонимных, вечно голодных душ, — отсыпался после очередного выпуска номера газеты.

Но ежедневный ритуал был незыблем: омлет, оладьи с брусничным вареньем, кофе из турки.

Он выбрался из спальни в шлёпанцах, дохромал до плиты,

повернул газ, взял коробок.

«И в этот миг коробок выскользнул, и спички веером рассыпались по кафелю. Лев чертыхнулся, нагнулся, чтобы собрать их — и замер. Ему показалось, или они действительно легли в странный узор? Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. "Нервы, — подумал он. — Просто нервы".»

Лев фыркнул, сгрёб спички, чиркнул одну. Пламя жахнуло ослепительно, будто из преисподней. Газ распустился синим цветком. А дальше - как в дурном романе: палец зацепил бутылку с маслом, та грохнулась, золотой ручеёк метнулся к огню. Вспыхнуло весело, почти празднично. Лев забил пламя мокрым полотенцем, обжёг палец.

И тут зазвонил телефон. Голос шефа — рыжебородого Редди, которого вся редакция звала так за сходство с чертом с английской гравюры, — рубанул без предисловий:

- Лев, я в делах. Приезжает мой старый друг. На вокзал в три. Встреть, отвези в храм на Соборной: там мощи на сутки выставили. Он хочет приложиться. Сделай одолжение. Большое.

Гудки. Лев посмотрел на обожжённый палец, на чёрную плиту. Потом на пустой коробок, валявшийся на столе. «При чём здесь спички?» — мелькнула глупая мысль. Такие мысли приходят перед тем, как мир перестаёт подчиняться законам гравитации.

Вокзал встретил ледяным дыханием и гулким эхом. Люди метались, как стайки испуганных рыб. И среди этого потока

он стоял неподвижно — высоченный, сутулый, в длинном драповом пальто цвета мокрого асфальта. Лицо — бледное полотно с двумя тёмными провалами глаз, высокий лоб, пересечённый глубокими морщинами, словно кто-то прочертил на нём карту давно забытых дорог. В уголках губ застыла полуулыбка — не добрая и не злая, а та, что указывает на человека, который слишком много знает о том, что скрыто за ширмой повседневности. Он не искал Льва взглядом. Он просто ждал, зная, что его найдут.

— Здравствуйте, я Лев, от Редди.

Рукопожатие было сухим и холодным — пальцы длинные, с выступающими суставами, как у пианиста, который перестал играть, но сохранил силу в кистях.

— Виктор. Благодарю.

В машине молчали. Молчание — не неловкое, а звенящее, будто вёз чемодан, туго набитый тишиной.

— Как доехали?

— Не привыкать, — Анатолий не отрывался от стекла. — Особенно когда везёшь груз.

— Груз?

— Груз вопросов. Без ответов, конечно же. Ред говорил, вы человек дотошный. Любите загадки.

Лев не успел спросить, что тот имеет в виду. Подъезжали к храму. Он всё же решился, когда машина остановилась у церковной ограды:

— Вы, видимо, глубоко верующий, если приехали покло-

ниться мощам за тридевять земель.

Виктор медленно повернул голову. В его взгляде мелькнуло что-то — не насмешка, не одобрение, а скорее интерес человека, который услышал вопрос, на который у него давно готов ответ.

— Я безусловно верующий, — сказал он, и голос его стал глубже, почти вязким. — И даже больше скажу: не только верующий, но и знающий, как говорится, не понаслышке. А сюда я приехал, чтобы поприветствовать человека, с которым мы в своё время проводили вечера в диспутах о том, кто сильнее — силы добра или зла. А вы, Лев? Как у Вас с делами веры?

- Вера - это очень странный предмет.. - пародируя цитату из любимого мультика — парировал Лев вопрос, — выглядит как насмешка фокусника, который всем показывает уши от зайца, которого нет. Я уважаю чужой выбор, но сам предпочитаю то, что можно увидеть, пощупать или хотя бы понюхать. Вера — она как призрак: все о ней говорят, но никто ее не видел.

Виктор рассмеялся — тихо, но с явным удовольствием.

— Вы говорите, что вера — это фокусник с зайцем, — продолжал Виктор, и голос его стал мягче, почти заговорщицким. — Но, Лев, представьте: фокусник показывает пустую шляпу, а потом достаёт оттуда зайца. Вы говорите: «Это обман». А он отвечает: «Это фокус». Но если заяц настоящий — значит, он был там, просто вы его не видели. А если

он был там, то верить в него было не обязательно. Достаточно было просто подождать.

Он замолчал, глядя на Льва с тем выражением, которое можно было бы назвать сочувствием, если бы не его глаза — они смеялись.

Он замолчал, но взгляд его остался прикованным к лицу Льва, словно он ждал реакции. Лев не нашёл что ответить. Он только почувствовал, как по спине пробежал легкий холодок, не имеющий отношения к морозу.

Толпа у церковных дверей дышала паром на морозе, но внутри превратилась в медленную, вязкую реку. Воздух — густой от воска, пота и сладковатой тяжести ладана. Люди шли вереницей к раке с мощами, шепот молитв сливался в сплошной гул.

Лев с Виктором влились в поток. Тела прижимались друг к другу. И от обострившегося чувства фальши всё, мимо чего Лев прежде проходил не замечая, теперь впивалось в глаза. Справа, в притворе, кипела бойкая торговля: лавка с витринами, миловидная девушка с кассовым аппаратом, «Закажите сорокоуст — сильная молитва на 40 дней!». Люди отсчитывали купюры, выбирая пакет духовных услуг по карману. А сквозь толпу проплывал иерарх — не измождённый аскет, а пухлый, сытый мужчина с быстрыми, оценивающими глазками. Во дворе церковной ограды, на расчищенном месте, стоял брутальный «Мерседес» последней модели с то-

нированными стёклами. Символ власти, более сильной, чем власть Цезаря.

Система давно превратила таинство в услугу, веру - в товар, а священство - в касту менеджеров. Лев вспомнил рембрандтовское «Изгнание торговцев из храма»: Христос с бичом, искажённое священной скорбью лицо, летящие столы, звенящие монеты. И за две тысячи лет не изменилось ничего. Мы все - всего лишь клиенты духовного fast-food'а - пронеслось у него в голове.

А толпа прибывала, как вода в шлюзе. Клир выстроил маршрут, но он трещал по швам. Шедшие сзади напирали, передние спотыкались. Воздух стал вязким, как сироп, — смесь ладана и острого запаха человеческого страха.

И тогда, когда они уже оказались у раки с мощами, начались странности. Сначала Льву показалось, что свечи в канделябрах дрогнули все сразу — не от сквозняка, а словно по команде. Пламя заметалось, отбрасывая на стены пляшущие тени, которые складывались в причудливые, почти гротескные фигуры. Кто-то рядом ахнул. Лев поднял глаза к куполу и увидел, как паника, как масляное пятно, расползается по толпе — сначала шепотом, потом сдавленными вскриками.

А затем плотина прорвалась. Случилось тихо. Не с крика, а с глухого, многосоставного «уууx». Ограждение хрустнуло. Первый ряд рухнул на бархатный пол. Пошёл вал — могучий, слепой, неумолимый. Кто-то крикнул: «Держите раку!». Ковчег качнулся, замер на ребре на долю секунды и с

грохотом рухнул на каменные плиты. Золото и стекло брызнули осколками. Женский визг пробил гул - звук чистого, беспримесного ужаса.

Лев почувствовал, как почва уходит из-под ног. Его подхватило и понесло, как щепку. Мелькали лица, искажённые не молитвой, а паникой. В голове с холодной журналистской чёткостью всплыло слово: «Ходынка». Катастрофа столетней давности вдруг обрела плоть, запах и звук.

Сильная, почти костоломная хватка впилась в плечо. Виктор — лицо серое, жилы вздуты — выдирал Льва из потока. Змеиным движением проскользнул в боковой проём, уволок за собой. Они прижались спинами к фресковой стене, пропуская мимо ревущую лавину. Потом вниз, по узкой лестнице, и наконец — на свежий, обжигающий лёгкие зимний воздух.

Лев стоял, дрожа, опираясь о кирпичную кладку. Видел, как к храму бегут люди, слышал вой сирен — но это было за стеклом адреналинового шока. Он обернулся к Виктору.

Тот стоял в пяти шагах, не смотрел на храм, не смотрел на Льва. В его взгляде не было ни ужаса, ни сочувствия. Был холодный, ясный, почти лабораторный интерес.

- Ну и денёк... Простите, Лев, что втянул вас в эту давку. Я не думал, что здесь будет такой ажиотаж. Наверное, я слишком стар для таких приключений.

Не сказав ни слова, Лев оттолкнулся от стены и пошёл прочь. Быстро, почти бегом. Он слышал, как Виктор оклик-

нул его, но звук доносился как будто из-под воды.

Он поймал попутку, назвав водителю свой адрес. Плюхнулся на заднее сиденье, даже не пристегнувшись, и впал в тот особенный ступор, который наступает после шока: когда тело ещё здесь, а сознание уже блуждает где-то между обрывками воспоминаний и темнотой. Весь мир сузился до размеров кабины с запахом табака и хвои. Город за окном плыл, как в лихорадочном сне, — фонари расплывались в оранжевые пятна, превращаясь в глаза хищных зверей. Витрины магазинов мелькали, как кадры старой киноплёнки. Деревья, окутанные изморозью, казались призрачными стражами.

Они ехали и ехали. Лев потерял счёт времени. В какой-то момент он заметил, что они в третий раз проезжают мимо одного и того же здания — старого кинотеатра с неоновой вывеской, которая горела, но моргала, словно у неё был тик. «Люксор» — прочитал он название. Сначала подумал, что ему кажется. Потом — что это ошибка навигатора. Но когда тот же светофор, тот же поворот, та же лужа с застывшим краем льда мелькнули в четвёртый раз, он очнулся.

— Вы что, заблудились? — спросил он.

Водитель вздрогнул. В зеркале заднего вида мелькнуло его растерянное лицо.

— Да меня навигатор сегодня странно ведёт. Третий круг делаю, а он как будто специально меня по кругу водит. Чертовщина какая-то!

Он стукнул ладонью по навигатору. Экран моргнул, погас,

загорелся снова — показывая тот же маршрут. Круг, который замыкался сам на себя, как змея, кусающая свой хвост.

Лев вспомнил утреннюю пентаграмму. Вспомнил слова Виктора: «После хаоса — всегда порядок». И понял, что случайности перестали быть случайными.

— Здесь налево, — сказал он. — Потом через два квартала направо.

Водитель посмотрел на него с благодарностью.

— Вы уверены?

— Уверен. Я здесь живу.

Они проехали ещё несколько минут. Навигатор умолк. Машина остановилась у подъезда. Лев выбрался на улицу, чувствуя, как холодный воздух обжигает лицо. Водитель улыбнулся:

— Спасибо, что выручили. Не знаю, что со мной сегодня. Прямо наваждение какое-то.

Лев ничего не ответил. Он пошёл к подъезду, чувствуя, как подошвы оставляют следы на заснеженном асфальте. В голове всё ещё звучал голос Виктора: «Вот и поприветствовались». Он знал, что этот день только начинается. Тот самый день, когда мир перестал подчиняться законам гравитации.

Дома он скинул одежду, пахнущую ладаном и чужим страхом, зашёл в душевую кабину. Сначала ледяная вода, потом обжигающе горячая. Сел, подставив голову под струи, пыта-

ясь смыть не грязь — прилипшее ощущение первобытного ужаса. Потом встал, вытерся, на автомате пошёл на кухню — сделать кофе. Остановился на пороге.

В воздухе висел запах табака. Ощущение вторжения — хотя замок не взломан, все вещи на местах. Он сходит с ума.

Адреналин хлынул снова, но теперь — холодный и цепкий. Лев машинально стёр пепел, выбросил спичку. Но стереть ощущение было нельзя. Оно висело в спёртом воздухе квартиры, смешиваясь с остаточным запахом гари и ладана. Ему хотелось кричать. И он решил кричать в ту самую цифровую пустоту, которую годами кормил кусками своей жизни. Теперь он был голоден сам. В его распоряжении не осталось ничего, кроме голой, нелицеприятной правды дня, проехавшего по сознанию катком «новой ходынки». Его пальцы скользнули по клавишам. Это уже не было журналистикой. Это был трансцендентальный крик. Крик в пустоту, который, как он наивно полагал, должен был стать для него тем самым мокрым полотенцем, способным потушить пожар изнутри. Он и не подозревал, что вместо этого его слова станут спичкой, воспламенившей сухую траву лицемерия и публичного остракизма.

Глава 2. Где статья превращается в манифест, комментарии — в судный день, а Лев Зорин обнаруживает, что его голос громче, чем он готов был услышать

Лев сидел перед мерцающим экраном ноутбука, пальцы зависли над клавишами.

Шок от пережитого постепенно отходил, сменяясь другой стихией - жгучим, неоформленным протестом. Это была та самая ярость, что рождается не из злобы, а из раненой любви. Из того щемящего чувства, когда видишь, как нечто святое и дорогое превращается в пародию на самое себя.

Он не планировал писать. Он хотел просто выплеснуть этот ком - смесь отвращения, тоски и бессилия - куда угодно, хоть в текстовый файл без названия. Но пальцы сами заскользили по клавиатуре.

Он писал о торговле у подсвечников, о сплетнях на паперти, превращающих храм в клуб по интересам. О том, как Бог-Личность, Бог-Любовь превратился в божество-банкомат. Он писал о пустоте под золотыми куполами, о том, как вместо страждущих молитвенный чертог наполняют торгаши и менялы.

«Так кто же хозяин в божьем доме?» — вынес он в подзаголовок.

Пальцы летали по клавишам. Он не выверял стиль, не подбирал метафоры. Он изливал душу. Всё, что копилось годами, вырвалось наружу. Он обличал, но в каждом слове сквозила не ненависть, а отчаяние заблудившегося ребёнка, который ищет Отца, а находит лишь хорошо отлаженный бизнес.

«Когда-то молитвенные дома были местом, где душа на-

ходила утешение. Но сегодня, глядя на пылающие маковки, я задаюсь вопросом: кто приходит сюда? Потребители благ или искатели истины?

Христос говорил: "Просите, и дано будет вам". Но разве Он имел в виду, что мы должны выпрашивать земные блага? Сегодня многие приходят в церковь не для того, чтобы отдать, а чтобы взять. Они хотят, чтобы Бог стал их личным исполнителем желаний, но сами ни на шаг не готовы приблизиться к нему. Как случилось, что те, кто приходит сюда, ищут лишь потребительской выгоды для себя, не отдавая жертвы Тому, к Кому они идут?

И снова, как две тысячи лет назад, Христос оказывается в одиночестве. Слова Его обращены к слышащим, но сердца пришедших заросли салом стяжательства.

Вот выходят три прихожанки из церкви, троекратно перекрестившись. Одна снимает платочек и идёт к остановке, а две её спутницы уже начинают косточки ей перемывать. Где здесь Христос? Где подражание Ему? Вместо молитвы — сплетни, вместо любви — осуждение.

Так кто же хозяин в божьем доме?

Пылающие маковки, золотые купола, звон колоколов - всё это великолепие, казалось бы, должно свидетельствовать о присутствии Бога. Но если вглядеться в тех кто приходит, кто на самом деле хозяин в этом доме? Не тот ли, кто искушает сынов человеческих властью, деньгами, славой? С виду благолепие, малиновый звон, а на самом деле всего лишь

расписная упаковка на пустой банке из под консервов. Потому что внутри - не благодать, а духовный супермаркет, где торгуют «благодатью» оптом и в розницу. Целая индустрию по удовлетворению мелких человеческих хотелок: поставь свечу - получи удачу, закажи сорокоуст — гарантируем здоровье, купи икону - вот твой оберег.

Это корпорация, паразитирующая на вере, страхе и наивности миллионов. Её продукт — иллюзия спасения. Её маркетинг - запугивание и обещания. Её итог - духовная пустота в обмен на наличные.

И получается, что хозяин в доме пылающих маковок вовсе не Бог, а Его супротивник.

Кто теперь, в подражание Христу, готов с себя последнюю рубашку ближнему отдать? Кто готов взять крест свой и следовать за Ним? Они читают молитвы, а в головах у них только деньги, а в душах чернота непроглядная.

Потому что настоящая вера начинается не тогда, когда ты кланяешься попу в шелках, а когда перестаёшь делить мир на «наших» и «не наших». Когда последнюю рубашку отдаёшь не потому, что так написано, а потому, что другой человек страдает.

Бог, если он есть, не в резной золотой клетке. Он там, где отчаяние встречает помощь без расспросов. Где ненависть гасится тихим прощением. Перестаньте финансировать собственное рабство. Не покупайте индульгенции XXI века. Не кормите золотого тельца, наряженного в ризу. Ваша душа -

не товар, а ваша совесть — не платежное средство. Пусть пылающие маковки горят в пустоте. Это будет честнее.”.

Последний абзац дался тяжелее всего. Ярость выдохлась, осталась пустота и холод. И где-то на самом дне этой пустоты - крошечная, как уголь под пеплом, надежда. Надежда на то, что где-то ещё остались те, кто идёт не брать, а отдавать.

Лев замер, глядя на готовый текст. Разум апеллируя к чувству самосохранения зашептал: «Сотри. Это эмоции. Ты всё как всегда преувеличиваешь. Тебя не поймут. Осудят.».

Другая часть — та, что только что писала, — возразила - не опубликуешь себя уважать не будешь.

Он смотрел на экран, и пальцы его дрожали над клавишей «Delete». В голове проносились образы: утро, спички, пентаграмма на кафеле. Храм, давка, лицо Виктора с его ледяной улыбкой. Спичка в руках незнакомца — последняя, которую он сложил в треугольник.

«А если там ничего нет?» — спросил тогда Лев.

«Тогда вы хотя бы узнаете, что там ничего нет. А это уже больше, чем знает тот, кто вообще не смотрит».

Лев усмехнулся. Какая-то часть его уже знала: если он сейчас сотрёт текст, он никогда не узнает, что было в той шляпе. Он так и останется тем, кто не смотрит.

Палец на секунду замер — и нажал «Отправить».

Эффект был не мгновенным. Сначала — тишина. Потом — уведомление о первом комментарии. Затем ещё одно. И

ещё.

Сначала осторожные: «Жёстко, но есть над чем подумать». Потом — одобрительные, восторженные: «Давно ждал таких слов!», «Спасибо за смелость!». Льва охватила странная эйфория. Он не одинок. Его боль — боль многих.

Но уже через час пришли другие комменты. «Это кощунство». «гордыня автора». «Разжигание розни». «Кто ты такой, чтобы судить?». Его начали цитировать вырванными из контекста фразами, обвиняя в оскорблении чувств верующих.

Лев читал и чувствовал, как внутри него что-то ломается. Он хотел ответить, объяснить, что его слова не против веры, а против фальши. Но комментарии прибывали, как вода в шлюзе. Слова, которые он выскреб из собственной боли, стали чужим оружием. Одни превратили их в знамя, чтобы рубить под корень. Другие — в доказательство того, что любой крик нужно раздавить.

Звонок телефона резанул по нервам, как лезвие по стеклу. Шеф.

Голос в трубке был не гневным, а усталым и печальным.

— Лев, я прочёл. Многое… справедливо. Полемично, но справедливо. Но зачем раздеваться публично? Зачем провоцировать скандал?

— Но кто-то же должен правду сказать? — голос Льва сорвался.

— Правда, — шеф выдохнул так, что в динамике проше-

лестел пепел. — Правда — она как огонь, парень. В кадиле — согревает и возносит молитву. А брошенный в сухую траву — выжигает прерии дотла. Ты поджёг саванну. Теперь смотри, чтобы самому не превратиться в угли.

Лев остался в темноте — только голубой свет монитора выхватывал его лицо. Под статьей бушевала сотня комментариев. Гнев, раскол, взаимные обвинения. Его попытка прорваться к свету, к той нелепой искренности, которую он так долго прятал за иронией, обернулась трактирной дракой.

Он вышел на балкон. Внизу дышал ночной город. Где-то вдали мерцали огни — те самые «пылающие маковки». Только теперь они казались ему не символами надежды, а тревожными маяками в океане всеобщего непонимания. Маяками, которые предупреждают о рифах, но не говорят, как обойти.

Он выпустил статью, как выпускают бутылку с посланием в море. В бурное, чёрное, незнакомое море. И теперь это море отвечало ему рокотом нарастающего шторма — тем самым, который старые капитаны слышат за миг до того, как волна переломит киль.

Он сделал первый шаг. И теперь ему предстояло понять, куда этот шаг его заведёт. А самое страшное было в другом: сомнения, выплеснутые им, никуда не делись. Они вернулись к нему — умноженные на резонанс. И теперь звучали внутри ещё громче. Безнадежнее. Как органный бас в пустой церкви, где некому молиться.

— И дальше что? — спросил он в ночную прохладу.

Ответа не последовало. Только тихий, равнодушный гул города. И тяжёлое, неподъёмное чувство, что точка невозврата только что осталась позади. Позади, как та самая страница, которую переворачиваешь, зная, что вернуться назад девственником уже невозможно.

Глава 3. Крест без Голгофы. Где жизнь рассыпается на осколки, а старый Лев перестаёт существовать ровно в тот миг, когда трубка на том конце провода кладётся на рычаг

Телефон зазвонил в семь утра. Лев, не открывая глаз, нащупал его на тумбочке. На экране — номер издательства. Он внутренне напрягся от холодного предчувствия, которое его никогда не обманывало. Такое предчувствие не спутаешь ни с чем: оно приходит за секунду до того, как мир перестаёт быть прежним.

— Лев Андреевич? Марина из отдела кадров. Вы могли бы подойти к десяти?

— У меня сегодня выходной.

— Нам нужно обсудить кое-что. И забрать документы. Трудовую книжку.

Он сел на кровати. За окном было солнечно, но свет казался чужим.

— Что случилось?

— Лучше придите.

Щелчок. Диалог окончен.

В издательстве его встретила гнетущая тишина. Та особенная тишина, которая бывает в зданиях, где все знают то, чего не знаешь ты, и делают вид, что ничего не происходит. Администратор, обычно болтливая, только кивнула, не поднимая глаз от монитора. В коридоре сотрудники, с которыми он работал пять лет, отворачивались к окнам, погружались в документы, исчезали в дверях кабинетов. Его обходили стороной — не как прокажённого, а как пустое место, как дверь, которую больше никогда не откроют.

Марина молча протянула ему трудовую книжку. В графе «Основание увольнения» аккуратным почерком было выведено: «По собственному желанию». Лев смотрел на эти слова и думал о том, как легко чужая рука перечёркивает твою жизнь. Как просто написать «по собственному желанию», когда ты не желал этого совершенно точно.

Он пошёл к главному редактору. Иван Петрович сидел за столом, не работая, глядя в окно. Его лицо было усталым — той особенной усталостью, которая появляется у людей, когда они перестают верить в то, что могут изменить хоть что-то.

— Закрой дверь, — сказал он, не оборачиваясь.

Лев закрыл. В тишине кабинета было слышно, как тикают настенные часы. И в этом звуке было что-то от метронома, отмеряющего последние такты перед тем, как музыка замол-

кает навсегда.

— Дело не в твоих намерениях, — сказал Иван Петрович, повернувшись. — Не знаю, правда это или нет. Но теперь это трактуется не как журналистское расследование, а как идеологическая диверсия. Вчера поздно вечером позвонили из Администрации. Без объяснений просто сказали: «Уволить». А что я могу им сказать, Лёв? Что у нас свобода слова? Ты знаешь ответ. Да, у нас свобода слова, но есть нюансы.

— Пять лет работы, десятки материалов, и один текст…

— Лёв, ты иногда забываешь, что времена меняются. Если вчера был либерализм, то сегодня стрелка крутанулась на сто восемьдесят градусов. Ты что, правда не заметил, что мы давно перешли снова на язык Эзопа?

Он помолчал. В этой паузе было больше, чем в любых словах, — отчаяние человека, который когда-то тоже верил, что слова могут менять мир, а теперь знает, что мир меняет только страх.

— Вот так, брат. Я тут, поверь, бессилен. Может, через какое-то время всё уляжется. Тогда и поговорим.

Он протянул ему конверт. Лев не взял его сразу. Он смотрел на лицо своего наставника и искал в нём хоть искру внутренней борьбы. Но нашёл только усталую покорность и стыдливую, почти извиняющуюся улыбку. Ту самую улыбку, которая появляется у людей, когда они перестают верить в то, что защищают.

— Бери, — сказал Иван Петрович. — На первое время,

чтобы перекантоваться. Если что… звони. И лучше не со своего номера.

Новый год наступил внезапно — как лопнувшая гитарная струна, как треснувший лед под ногой.

Несмотря на свои обстоятельства Лев позволил себе роскошь, которую в иные времена счёл бы непозволительной: он улетел с Оксаной к морю.

Они плескались в прозрачной воде меж коралловых рифов — там, где рыбы сновали в ветвях, словно живые драгоценности, переливающиеся на солнце всеми цветами, которых нет ни в одной палитре. А потом лежали на тёплом песке, чувствуя, как время замедляется, как дыхание прибоя становится единственным ритмом, которому хочется подчиниться без остатка.

Пили вино — и на море, как известно, вино пьётся иначе, чем в раскалённых городских джунглях. Оно не обжигает, не оглушает — оно раскрывается медленно, как вечер, как обещание, которое не требует исполнения.

И тогда, в один из тех вечеров, когда солнце утопало в море, окрашивая воду в цвета акварели, которую никто не умеет повторить, Лев вдруг вспомнил строки.

Прибалтийский поэт. Тонкий, почти прозрачный сборник, который он когда-то держал в руках и вырывал страницу за страницей, объявив их бездарными и пустыми. Он не помнил, зачем это делал — может быть, от раздражения, мо-

жет быть, от усталости, может быть, от того, что слова казались ему слишком лёгкими для мира, в котором он жил.

Но он запомнил одно четверостишие. Одно-единственное. Оно врезалось в память случайно, как заноза, которую не замечаешь, пока она не начнёт болеть. И теперь, глядя на закат, он вдруг осознал: именно это четверостишие своей гениальной простотой искупало все предыдущие банальности.

«Как просто пить вино

И говорить о том, что будет завтра…»

Тогда ему показалось, что в этих словах — вся мудрость мира. Теперь он понимал, что это была мудрость забвения.

Море осталось там, за иллюминатором самолёта. Реальность встретила его холодной тишиной. Тишиной холодильника — герметичной, стерильной, бессмысленной.

Он рассылал резюме. Ответы приходили одинаковые: «Не соответствуете», «Вакансия закрыта». Потом позвонил знакомый из агентства:

— Лев, ты в стоп-листе. Чёрный список. Тебя там как «неблагонадёжного». Извини.

Деньги, полученные при увольнении, таяли. Он перестал открывать дверь, когда звонил домофон.

А потом он начал пить. Сначала по вечерам, чтобы заснуть. Дешёвый портвейн из магазина за углом. Он пил его

прямо из горла, сидя на кухне, глядя в одну точку. Потом — днём, чтобы не думать.

Однажды он вышел за новой бутылкой. Денег было в обрез — он пересчитывал мелочь на кассе. Продавщица смотрела на него жалостливо.

— Ещё что-то?

— Нет.

Он вышел на улицу и вдруг понял, что забыл кошелёк. Дома. Рядом с пустой бутылкой.

Он стоял посреди улицы, сжимая пакет с портвейном, и чувствовал, как внутри поднимается что-то тёмное и липкое — стыд. Тот самый, который не даёт дышать, когда ты понимаешь, что стал тем, кого сам презирал. Бутылка казалась тяжёлой, как кусок свинца. Он поскользнулся на обледенелом тротуаре. Пакет выскользнул из рук, ударился об асфальт и разбился. Тёмная жидкость растеклась по снегу. Осколки разлетелись в стороны, и один из них, самый крупный, застыл на краю лужи, глядя на Льва как глаз, который не моргает.

Он смотрел на осколки и не мог пошевелиться. Он думал о том, как легко разбивается стекло. Так же легко как разбивается жизнь. Он сел на корточки и начал собирать осколки. Пальцы дрожали. Он порезался о край стекла. Кровь смешалась с вином, и на снегу остались бурые, почти чёрные пятна.

Месяцы, последовавшие за тем утром, сплющились в однотонный, серый тягучий кошмар.

Его девушка, ушла через два месяца.

- Я не могу, Лев. Я не могу жить в этой атмосфере поражения. Ты даже не борешься. Ты просто… сдался. Лев не пытался её удержать.

Она ушла на следующее утро, забрав свой кактус и чашку. Лев понял, что плакать не может. Внутри была лишь зияющая черная дыра.

Потом были двое в тёмных куртках. Вежливо, дотошно. Искали «подозрение на экстремизм». Проверка окончилась внезапно. Его не привлекли. Его просто выключили из жизни, как свет в большой квартире.

Он перестал отвечать на звонки. Перестал выходить из дома. Мир сузился до размеров комнаты. Он пил вино из пластиковых стаканчиков. Смотрел в потолок и считал трещины.

Время — субстанция коварная, вязкая особенно в минуты падения. Лев вспомнил Нидерхоффера с его феноменом худу, когда человек становится живым аккумулятором собственной безнадёги. Его аура перестаёт светиться — она сочится серой патокой обречённости. И каждый, кто оказывается рядом, невольно втягивает этот ядовитый выхлоп.

Брокеры чувствуют худу за версту. Их спинной мозг даёт команду: «Держись от него подальше». Отрицательная карма распространяется на тех, с кем худу общается, мгновенно заражая их несчастливой судьбой. Так ли это или нет, он не знал. Но его круг таял. Один друг отвалился, потом вто-

рой, третий. Сначала — вежливые «занят», потом — короткие «перезвоню», а потом — просто тишина без ответа. И в конце концов вокруг него образовалось негласное кольцо отчуждения — прозрачное, как стекло витрины, но такое же непроницаемое.

Лев стал тем, кого боятся. И он боялся себя.

Однажды ночью ему показалось, что кто-то смотрит на него из окна. Он отдёрнул занавеску и увидел только собственное отражение. Глаза красные, лицо осунувшееся. Чужой. Тот, кого он не хотел бы встретить даже в самом плохом сне.

Он отошёл от окна и сел на пол. В голове шумело, но сквозь шум он слышал одну мысль, которая повторялась, как заезженная пластинка: «А если там ничего нет?».

Он не знал, что это был за вопрос. Может быть, о вере. Может быть, о жизни. Может быть, о нём самом.

И тогда он вспомнил о матери.

Она звонила каждое воскресенье. Лев смотрел на экран — «Мама» — и не брал трубку. Он не мог сказать ей, что потерял работу. Что она была права: он всегда был слишком честным в неправильном месте. Что Оксана ушла. Что он стал худу.

Он просто ждал, пока телефон замолчит. А потом перезванивал через час.

— Мам, привет. Всё нормально. Просто работа завалила.

Она отвечала что-то тёплое, и он чувствовал, как внутри

сжимается стыд. Потому что она знала: он врёт. Но она не задавала вопросов. Она просто ждала.

В один из таких дней, когда сумерки уже ползли по стенам, компьютер издал звук падающей капли. На почту пришло письмо.

Лев подошёл к монитору. «Открыта вакансия ассистента. Приглашаем на собеседование. Центральный офис Фонда развития регионов».

Он смотрел на экран и чувствовал, как внутри поднимается что-то, чему он не мог дать названия. Не надежда — это слово было слишком громким. Скорее любопытство. Острое, как скальпель.

Он взял телефон и набрал номер матери.

— Мам, привет. Я завтра уезжаю в Москву. На работу.

— На работу? — в её голосе зажглась надежда.

— Надеюсь, что да.

Он помолчал.

— Марине передавай привет.

— Передам.

Он не стал говорить, что Марины больше нет. Он просто положил трубку.

Утром он принял душ, побрился, надел пиджак. На кухне выпил чёрный кофе — без сахара, потому что сахара в доме не было.

Он пересчитал купюры. Три тысячи рублей. Билет на поезд стоил почти всё. Он зашёл на сайт, увидел итоговую сум-

му и замер. Если он купит билет, у него не останется денег на обратную дорогу.

«Билет в один конец», — подумал он.

Он нажал «оплатить».

Деньги ушли со счёта. Обратного пути не было. Тот Лев, который сидел в этой квартире среди пустых бутылок, — он только что купил себе билет в неизвестность.

Он застегнул рюкзак и вышел из квартиры.

Поезд уносил его в Москву. Любопытство — острое, как игла. Робкая надежда — слабая, едва теплящаяся, похожая на свет в конце тоннеля.

Он ехал в неизвестность. А неизвестность, как известно, просто стоит на пороге и ждёт, когда вы сделаете первый шаг. Даже если вам кажется, что этот шаг — в пустоту.

Глава 4. Где перьевая ручка становится жертвенным ножом, а договор скрепляют не чернилами, а кровью

Поезд привез Льва в Москву к полудню. Город встретил его промозглой сыростью — той, что проникает под воротник быстрее, чем любой компромат в жёлтую прессу. Лев терпеть не мог эту погоду и одновременно любил её. В ней, как в переплётах старых книг, чувствовалась подлинность.

Он не стал брать такси — инстинкт старого репортёра, который знает: лучше изучить маршрут ногами, чем доверить-

ся чужому глазу. Проехал две остановки на автобусе, вглядываясь в мокрые фасады. Район оказался из тех, про которые коренные москвичи говорят с почти болезненной гордостью: «Он не обезображен лужковским евроремонтом». Здесь время остановилось где-то между модерном и советским ампиром.

Отсчитывая номера домов, Лев чувствовал себя палеографом, читающим каменные тексты. Шестьдесят четыре — кованый забор начала века. Шестьдесят пять — доходный дом с атлантами, у которых отколоты носы. Шестьдесят шесть.

Металлические ворота были настоящим гербарием мифологии. Грифоны скалились на прохожих, хвостатые чудища с женскими лицами переплетались в бронзовой судороге. Лев готов был поклясться, что одно из животных — крайнее справа, с ушами летучей мыши и языком-жалом — явно сделало ему рожицу. Архитектор обладал чувством вкуса и тем видом юмора, который в России называют чёрным. На воротах — табличка: «Фонд развития регионов».

Над металлической дверью — грубой, кованой, с заклёпками — висел глазок и звонок под старую бронзу. Лев нажал. В щели микрофона захрипело, он назвался. Дверь открылась с гулким эхом, какое бывает только в старых домах с толстыми стенами.

Он вошёл. Мраморная дорожка вела к крыльцу огромного особняка. Стиль — чистый ампир: колонны, фронтон, строгие линии. У открытой двери его уже ждал швейцар с се-

дой бородкой. Ливрея была красной — сочно-красной, как кровь на снегу, — с позолоченными галунами. Швейцар не улыбнулся. Он сделал лёгкий полупоклон, который означал одновременно «добро пожаловать» и «осторожнее, молодой человек».

Внутреннее убранство дома было ампирным, но с барочными вкраплениями. Лестница на второй этаж — широкая, с перилами из чернёного дуба, на каждой балюстраде — усатый фавн с улыбкой Мефистофеля. Приёмная оказалась белой, стерильной, как операционная. За столом сидела секретарша с бейджем «Лера». Её лицо — натянутое, без единой морщины — выглядело так, словно его отливали по форме, забыв добавить жизни. Лев про себя назвал её «Гипсовая маска».

- Присаживайтесь. Виктор Люцианович сейчас освободится.

Лев ждал ровно столько, чтобы пробежать глазами статью о фальшивых Рембрандтах в журнале на столике. На двери кабинета висела табличка: «Виктор Люцианович Юнкер».

Затем дверь кабинета открылась, и Гипсовая маска сделала ему жест в сторону двери.

Кабинет был оружейной палатой интеллекта. Стены в книжных полках от пола до потолка — Лавкрафт соседствовал с юридическими справочниками, Борхес — с энциклопедией «Все российские политики». Картины старых мастеров. Ковёр — персидский, но с такой стёртой дорожкой у

письменного стола, что по ней можно было изучать географию чужих шагов.

За столом сидел хозяин. И в тот момент, когда Лев переступил порог, у него внутри всё оборвалось

И в тот момент, когда Лев переступил порог и сделал шаг в его сторону, у него внутри всё оборвалось. Он узнал это лицо. Высокий лоб, пересечённый глубокими морщинами. Серые глаза, которые, казалось, видели насквозь. Полуулыбка в уголках губ — ни добрая, ни злая, а принадлежащая человеку, знающему о скрытом больше, чем следовало бы.

Перед ним сидел Виктор. Тот самый Виктор, которого он по просьбе Редди встречал на вокзале и вёз в храм на Соборной. Тот самый, чьи спички складывались в пентаграммы, а рукопожатие было холоднее могильного камня.

В горле пересохло. Он хотел сказать что-то, но язык прилип к нёбу. В голове пронеслось: спички на кафеле, вспыхнувшее масло, давка в храме, холодный голос: «После хаоса — всегда порядок». Теперь этот человек стоял перед ним и улыбался той же полуулыбкой.

Хозяин кабинета — теперь уже не просто Виктор, а Виктор Люцианович — поднялся из-за стола, опираясь на металлическую трость с набалдашником в виде волчьей головы, и с лёгкой хромотой сделал шаг навстречу.

— Не удивляйтесь, не удивляйтесь, дорогой Лев, — Люблю, знаете ли, путешествовать инкогнито. Все просто, мой дорогой друг! — продолжал Виктор Люцианович, жестом

приглашая Льва сесть в кресло у стола, — я обсуждал с твоим бывшим шефом кандидатуры на вакансию. Перебирая варианты из списка, он сделал тебе протекцию, сказав, что лучшего кандидата мне не найти. Ну а я тут же послал на почту приглашение.

К тому же обстоятельства нашего знакомства были такими фантастическими, что мне показалось, есть в этом приглашении что-то дьявольски закономерное.

— Вы… вы были уверены, что я приеду? — спросил Лев наконец, и голос его звучал глухо, как из-под воды.

— Не сомневался ни на секунду, — ответил Виктор Люцианович, садясь напротив и кладя трость поперёк колен. — Я знал, что ты согласишься Потому что как я успел убедиться, ты, — человек, который ищет ответы. А я — тот, кто их даёт. Неплохой может быть тандем?

Он помолчал, давая словам осесть. Его внешность была одновременно притягательной и пугающей. Пронзительные серые глаза — словно видевшие насквозь - стали еще пронзительней, когда он поднялся и, прихрамывая, сделал шаг навстречу, подавая руку для приветствия.

- Я давно слежу за твоими медийными экзорсисами, - продолжал он, - Ценю их неудобную откровенность.

- Я не ожидал, что вы меня читали, - ответил Лев, смутившись.

- О, не подумай, я не собираюсь завоевывать доверие таким избитым способом. Это простая профессиональная

оценка. Читал последнее. Нокаут. Чистейший нокаут.

Тут он впервые вдруг рассмеялся - смехом Ливановского Шерлока Холмса, отрывистым и сухим.

- Мне нужен ассистент по информационной аналитике. Задача - добывать правильный компромат. Но тебе же судя по тому что я читал к этому не привыкать?

Льва неприятно передернуло от такой откровенности хозяина кабинета.

- «Правильный компромат»? — переспросил Лев. — Это ведь почти оксюморон. Как «холодная страсть» или «звенящая тишина».

Виктор Люцианович остановился. Посмотрел на Льва с новым, только что родившимся интересом - как антиквар на вещь, которая оказалась старше, чем предполагалось.

- Ок-сю-мо-рон, - повторил он по слогам, смакуя слово, как дорогое вино. - Ты прав, мой дорогой (тут он как опытный переговорщик явно намеренно сократил дистанцию). Абсолютно прав. И именно поэтому ты мне и нужен. Тот, кто замечает оксюмороны там, где другие видят просто слова, - для меня бесценен.

Он поднял трость и нарисовал ею в воздухе двойной зигзаг.

- Позволь объясниться. Правильный компромат как хороший яд: не тот, который убивает сразу, а тот, который оставляет выбор жертве - умереть или принято антидот. Оксюморон? Пусть так. Но в нашем деле парадоксы правят миром.

Мы не занимаемся дешевым шантажом, Лев. Мы управляем ситуациями, обстоятельствами, состояниями. Кто владеет информацией, владеет миром. Я только что произнес трюизм, за который меня можно было бы презирать, если бы он вот уже тысячелетия доказательно не определял судьбы мира.

Он сел напротив, положив трость поперек колен, как шпагу.

- Итак. Мне нужна твоя способность добывать чужие секреты - способ не важен. Ведь эффективность всегда там, где полная беспринципность. За это от меня благодарность с пятью нулями, полный пансион и место в моей свите. Жить будешь здесь же, в своей комнате, в доме за резиденцией. О материальной стороне не беспокойся: одежду, экипировку, любое оборудование - продиктуй Лере, она все организует. Я предлагаю не просто работу, я предлагаю свою дружбу и покровительство. И делаю это редко.

Виктор Люцианович сделал паузу, давая словам осесть в воздухе, как пыли на старых книгах.

- Но прежде чем ты ответишь, - добавил он, и голос его стал на полтона ниже, - уясни простую вещь. Соглашаясь работать на меня, ты отдаешь мне себя - свои таланты, знания и, наконец, верность.

Он замолчал, внимательно глядя на Льва поверх сложенных на трости рук. И тут - искусный ход, рассчитанный на то, чтобы разрушить последнюю границу недоверия — он вдруг

подался вперед, сократив разделяющее их пространство до полуметра - наклонившись ко Льву вкрадчиво завешил:

Я же со своей стороны, как твой сюзерен (пользуясь давно вышедшем из нашего обихода понятием), обязуюсь, что ты не только не будешь ни в чем нуждаться, но и станешь весьма обеспеченным человеком.

Он помолчал, давая словам остыть, чуть склонил голову к плечу и добавил с той особенной интонацией, которая выдает умелого переговорщика с головой:

Лев молчал несколько секунд. Потом спросил, глядя прямо в эти серые, видевшие насквозь глаза:

- А что с моим предшественником? Ведь, как я понимаю, кто-то на этой должности у вас был?

Виктор Люцианович не отвел взгляда. В его глазах мелькнуло что-то - не тень, не боль, скорее легкое сожаление закройщика о куске испорченной ткани.

- Он утонул. - Хозяин пожал плечами с изяществом, которое было страшнее любого крика. - Нелепая случайность. Поверь.

У Льва внутри похолодело. Он давно уже не верил в случайности. Но отступать было некуда. Позади была пустота его отмены как профессионала и как личности.

- Хорошо, - сказал он медленно. - Если я соглашаюсь… где границы моей свободы?

- Границы свободы, - Виктор Люцианович прищурился, - зависят от моего доверия. Я всегда пойму когда можно осла-

бить поводок, а когда нужно его натянуть.

- А что, если я… - Лев не договорил.

- Это вряд ли.

- Почему?

- А какой смысл?

- А все-таки?

Виктор Люцианович наклонил голову, и в этот момент он стал похож на священника старого обряда, который уже тысячу раз выслушивал эту исповедь.

- Не в твоем случае, Лев. Не в твоем.

Лев ощутил, что стоит на краю обрыва. Ветер неизвестности доносился до него из пропасти. Он вдруг вспомнил известный фильм, где герою нужно было сделать шаг веры и спросил:

-

Чего вы от меня ждете?

Виктор Люцианович ответил не сразу. Он медленно поднялся с кресла, опираясь на трость, подошел к гобелену. Кончиками пальцев, бережно, как священник к дарам, прикоснулся к вытканной сцены триумфа.

- Чего я жду? - переспросил он, не оборачиваясь. - Хороший вопрос. Самый важный. И…пожалуй самый сложный. - Он повернулся, и в свете настольной лампы его лицо оказалось наполовину в тени, наполовину в золоте. - Я жду, что ты появлялся, там где тебя не ждут, узнавал то, что стараются скрыть. Соединял аналитикой факты, где другие видят

только хаос.

Он сделал шаг вперед, и трость его стукнула по паркету, как метроном, отбивающий ритм чужой судьбы.

Лев слушал, и его сердечный ритм начал учащаться, ладони вспотели от напряжения, которое вдруг разом сковало все тело.

- Поверь, - продолжал Виктор Люцианович, останавливаясь напротив него так, что между ними оставалось не больше метра - снова сокращая протокольную дистанцию - с твоим опытом и талантом (в твои блоги я периодически заглядывал с удовольствием) это будет несложно.

- Несложно? - Лев усмехнулся краем губ. - Вы явно не читали мои фейсбучные войны с троллями.

- Читал. И восхищался. - Хозяин позволил себе легкую, почти отеческую улыбку. - Да и тебе наконец надо поймать кайф от своей профессиональной монструозности, которую в последнее время все вокруг только и пытались из иебя вытравить и посеять комплекс неполноценности.

Лев вздрогнул. Слишком точно. Слишком больно. Как если бы этот человек с тростью не просто читал его мысли и переживания, но и разбирал по косточкам его сны.

- Ты знаешь, - продолжал Виктор Люцианович, присаживаясь на край стола (жест, который сочетал в себе фамильярность и абсолютную власть), - мне бы хотелось, чтобы, выполняя мои поручения, ты не только получал профессиональное удовольствие. Это само собой. Но чтобы ты еще и

почувствовал, какой властью обладаешь, открывая секреты других.

- В моем оркестре, - продолжил он совсем тихо, - невозможно дирижировать, если нет четкой партитуры. Партитура и профессионализм оркестрантов - это ингредиенты успеха в моем деле. Я сделаю тебя Моцартом информации. Без гения информационного анализа мой оркестр фальшивит, а фальшь в нашем деле хуже измены. Фальшь - это финансовые убытки.

Лев молчал. Он мучительно обдумывал предложение, понимая, что назад дороги не будет. Но и сейчас позади него все мосты были сожжены. И он сделал свой шаг веры - пусть и с ощущением легкой тревоги.

- Я… согласен, - наконец немного поколебавшись и с чувством обреченности от отсутствия выбора в своей ситуации выдохнул он.

Потом он спрашивал, почему он принял предложение. Причины были до банального просты. Счет в его банке жизни был пуст, а за спиной - руины и беспросветный мрак. И еще потому - если быть честным до конца, - что слова о власти попали в цель, как пуля в яблочко. Он устал быть изгоем. Он устал быть никем.

Виктор Люцианович кивнул с видом человека, который не сомневался в ответе ни секунды.

- Отлично. Тогда к делу.

Он протянул Льву папку из темной кожи - той самой, что

делается из теленка, забитого по всем правилам итальянского ремесла.

- Прочитай, если хочешь. Но там то, что я уже вам вкратце описал. Ни больше, ни меньше.

Лев открыл папку. Внутри лежал договор. На первый взгляд - обычный, девятистраничный, с параграфами и подпараграфами. Пролистывая страницы, Лев остановился на выделенным жирным - “Ассистент”, пробежался по правам и обязанностям, не увидел какого-либо криминала и принял для себя непростое решение.

Виктор Люцианович подал ему перьевую ручку. Старый «Монблан» с золотым пером, черный, как душа нотариуса.

- Ну тогда скрепим договор подписями?

Сначала договор подписал Виктор Люцианович. Потом передал его Льву. Лев начал подписывать, придерживая папку левой рукой. Первый лист - ровно, второй - чуть быстрее. И вот на третьем, когда он заносил руку для очередной подписи, ручка скользнула, и Лев порезал палец о край бумаги. Кровь выступила, оставив на странице маленькое, почти незаметное пятно. Виктор Люцианович молча протянул ему платок. — Осторожнее, Лев. В моём деле бумага режет больнее ножа. Лев промокнул палец и хотел извиниться, но Виктор уже отвернулся к окну, давая понять, что случайность не стоит внимания.

Он щёлкнул пальцами. В дверях появилась секретарша.

— Лера, покажите Льву его комнату.

Лев поднялся. В доме для персонала, в своей небольшой комнате, он сел на край кровати и посмотрел на порез на руке — уже запекшийся, обведённый тонкой красной линией. Он подумал о том, что договор, подписанный кровью, как правило, не расторгают по собственному желанию. И ещё он подумал о пентаграмме из спичек, которая сложилась на кафеле в то утро. Пять лучей из одного центра. Теперь он знал: это был не случайный узор. Это был знак.

За окном сырая Москва готовилась к ночи. В кабинете на втором этаже горел свет, и тень с металлической тростью медленно ходила туда-обратно, как маятник старинных часов, отсчитывающих чужое время.

Глава 5. Где быт обретает форму, наблюдение превращается в искусство, а старый Лев перестает существовать

Комната, которую Лев получил в доме для персонала, напоминала блок дорогой, но бездушной гостиничной сети. Все было предельно функционально. Отдельный туалет с ванной - белый кафель, полотенца, сложенные веером, флаконы с гелями, пахнущими «нейтральной свежестью». Сама комната совмещала в себе функции спальни, кабинета и мини-кухни. Большая роскошная кровать. Рабочая зона: стол, ноутбук, пара ручек, блокнот с твердой обложкой - ничего лишнего. В углу - холодильник, чайник, микроволновка и аккуратный ряд кухонных принадлежностей: ножи, вилки,

ложки, чашки, словно Лев был постояльцем отеля, который забыл вывесить табличку «Добро пожаловать».

Несмотря на то, что новая комната пахла той аптечной чистотой, от которой у обычного человека начинаются больничный синдром - Лев заснул мгновенно. День проведенный на ногах сморил его напрочь.

Проснулся он от внезапно от неизвестно откуда-то возникшей музыки, над кроватью едва слышно играл один из вальсов Штрауса. Он посмотрел на часы – было 7 утра. После завершения музыкальной паузы вкрадчивый женский голос пригласил его на завтрак.

Он простоял под душем минут десять, позволив горячей воде смыть остатки сна, побрился, посмотрел на себя в зеркало. Из серебряной глубины на него смотрел посторонний с опухшим от глубокого сна лицом. Ровно в восемь он зашел в обеденную залу.

Это было просторное помещение с 2 столами - общим длинным столом, сделанным видимо специально, чтобы создавать чувство команды дуб,, и таким же длинным столом с едой по шведскому обычаю самообслуживания. Кофеавтоматы. Три вида сыра. Ветчина, нарезанная длинными ломтями. Омлет, запеченные яйца, запеканка из творога. Тарелки с порционным маслом, сметаной, джемом. В высоких тубусах дымилась 2 варианта каш. За столом уже сидели четверо.

Лера - обладательница лица, лишенного мимических морщин, «Гипсовая маска» - пила зеленый чай, в промежутках

между пролистыванием ленты мессенджера ела пшенную кашу. Подолгу зависала в телефоне и судя по всему, контент был интереснее присутствующих.

Рядом Глеб. Позднее Лев понял, откуда у человека с головой, вырастающей прямо из плеч, возникла кличка «Палач». Руки Глеба лежали на столешнице, как две бетонные плиты. Татуировка на пальцах - переплетение шипов с церковным куполом - напоминала о том, что человек этот из мест, где утренний кофе пьют не из потакания гурманству, а чтобы не проспать постоянные угрозы.

Елена Сергеевна - женщина с грацией пантеры, с короткой стрижкой и пальцами пианистки - сидела напротив. В облегающем синем платье с глубоким декольте, она вся “ушла” в планшет, изредка простреливая Льва недоверчевым взглядом. Финансист.

Станислав. Далеко за тридцать. Он вел себя так, будто каждую секунду куда-то опаздывал, при этом успевая всё. Ртутный, быстрый, с глазами, которые фотографировали, сканировали и идентифицировали. В общем оркестре Виктора Стас отвечал за организационную часть концерта, стараясь чтобы все расположились с инструментами на своих местах, а партитуры соответствовали программе. На приветствие Льва Стас дежурно кивнул.

Леонид, вечно юный очкарик, казалось оставил свой возраст в гардеробе на вешалке. Лев подумал, что этот компьютерный гений, как отрекомендовала его Лера посе завтрака,

будет выглядеть в 60 так же как и сейчас. Он меланхолично ковырял вилкой свой омлет, неторопливо запивая небольшими глотками кофе, иногда останавливаясь и складывая как будто проверяя себя различные мудры.

Варвара Сергеевна, как позже он узнал, жила в постоянных разъездах и в жизни по преимуществу стационарного персонала не участвовала.

Похоже все уже знали кто такой Лев и зачем. И несмотря на плохо скрываемое любопытство к его персоне, никто никаких вопросов ему не задавал.

Скажите мне вот что - вдруг воскликнул Леонид, обращаясь ко всем собравшимся в обеденном зале и вскинув руку с с какой то очередной мудрой. - У нас есть утро. Что очевидно. Есть кофе. Есть тост. И есть вопрос, который мучает меня с тех пор, как я вчера переписывал ядро Linux на коленке в метро: почему тост всегда падает маслом вниз, а ноутбук, если его уронить, — всегда вверх экраном? Это же чистая физика, да? Нет. Это метафизика. Вселенная издевается над нами, но делает это избирательно. И он заливисто расхохотался.

- Ха-ха! Как всегда оригинальный айтишный юмор - съязвил Стас.

Мой дорогой, - оторвалась Елена Сергеевна от своего планшета - ты только что потратил тридцать секунд, чтобы красиво и пафосно описать три вещи:

- Закон всемирной подлости,

- Анимистическую теорию роутеров,

- Собственный страх перед пищеварительным процессом.

Насчёт тоста. Ты считаешь, что Вселенная издевается. Нет. Вселенная - это мажоритарный акционер, которому плевать на твой тост. Тост падает маслом вниз, потому что центр тяжести смещён. Это физика, а не карма. Ноутбук падает экраном вверх, потому что он тяжелее с нижней стороны. И если ты роняешь технику чаще, чем ешь тосты - возможно, тебе стоит сменить профессию и перейти в отдел тестирования падений?

Лев внутренне улыбнулся. А Леонид парировал:

- Ребутнись, Лена! Ты забыла одну переменную, которую не внесёшь ни в один бюджет. Тактильность. Когда я беру в руки тост — я чувствую тепло. Когда я смотрю на море — я чувствую соль на коже. Твой роутер не умеет смеяться. А я — могу.

- Остряки - хмуро отозвалась Лера.

В следующие 15 минут Завтрак прошел в обоюдном молчании. Так едят в дорогих ресторанах, когда пришли не ради еды, а ради уважения к пригласившему и все друг с другом не знакомы. Лев пил кофе - и наблюдал. Елена Сергеевна листала графики. Лера улыбалась телефону. Стас что-то записывал в блокнот - быстро, отрывисто. Глеб просто сидел, его омлет уже остыл, и он не притронулся к нему. Лев подумал, что этот человек вообще не ест. Он ждет. Часовой, сменившийся с поста, но так и не снявший бронежилет.

В десять Лев уже был в кабинете Виктора Люцианович.

- Лев, как обустроились? Лере потом список составите что нужно вам в ваш новый дом - сказал он, кивнув на кофе. - Пейте. У нас мало времени.

Виктор Люцианович протянул ему папку - тонкую, картонную, с резинкой.

- Это ваш объект - Дмитрий Сергеевич Чистяков, - начальник департамента. Квоты, лицензии, разрешения, госконтракты, нацпроекты. Выверните его для меня нутром наружу. Мне нужно знать о нем все – чего боится, кого боится, детские комплексы, врожденные страхи, грешки, сокровенные желания. Это – он показал на папку – вводная для начала.

Лев открыл папку. Фотокарточка. Три страницы текста. Минимум информации - максимум ожиданий.

За два дня проанатамируйте мне его жизнь, — продолжил Виктор Люцианович. Методы за вами. Любые. Главное, чтобы была рабочая фактура. Наперед запомните - Я всегда плачу за результат, а не за отчеты о командировках.

- Приоритеты поиска? — спросил Лев.

- То, что он прячет от всех, - ответил Виктор Люцианович, и его серые глаза стали еще темнее, как зимнее небо перед снегопадом. - В каждом человеке есть дверь, вход в которую ведома только одному ему. Найдите мне от нее золотой ключик.

Он помолчал и добавил:

- После меня зайдите к Глебу. Он выдаст вам новые документы и проведет инструктаж по технике безопасности.

В одиннадцать Лев сидел в комнате без окон напоминающей колодец - именно таких, где пахнет пылью и правдой, где не включают свет днем и не выключают ночью. Глеб провел краткий инструктаж, в том числе подробно описал рекомендуемые методы сбора информации. Некоторые из них Лев знал - они были из учебников по журналистике, из старых детективов, из собственного опыта. Другие - из мира, где закон заканчивается там, где начинается необходимость. Прослушка, внедрение, конфиденциальные беседы с людьми, которые не знают, что их беседа записывается.

— Эффективность важнее законности, - сказал Глеб, и в его голосе не было ни угрозы, ни оправдания - только констатация факта. – Мы всегда если нужно Вас прикроем. Но даже самая лучшая крыша не защищает от собственной глупости.

Лев кивнул. Он понял - в этой жизни риск становился такой же повседневной вещью, как утренние процедуры.

С этого дня время для Льва потеряло линейность. Оно превратилось в круг, по которому он бежал с утра до ночи, возвращаясь к исходной точке каждый день. Рутина стала его режимом, расписание - катехизисом.

В семь его будила классическая музыка. В восемь он завтракал с людьми, которые понемногу переставали быть чужими. В десять он докладывал Виктору Люциановичу о ре-

зультатах, получал дежурное благословение и уходил на новый круг охоты.

—Будь изобретательнее, Лев, — как-то, гуляя с ним по парку за домом, дружески похлопав по плечу, вкрадчиво произнес Виктор Люцианович однажды утром. Туман за окнами стирал границы между небом и землёй, делая мир похожим на акварель, которую забыли закрепить. — В работе с информацией не существует моральных ограничений, есть только цена и результат. Ничего себе не запрещай. Ничем не гнушайся. Если игра стоит свеч — все средства хороши. Держи в голове Флеминга. Его агент, конечно, карикатура, развесёлый лубок, но посмотри, как он работает с людьми. Божественная техника. Он не берёт силой — он берёт обаянием. Не угрожает — обещает. Не требует — предлагает. Сегодня это уже софтскиллы на уровне трюизмов. Научись быть тем, кого хотят слушать. Тогда тебе не придётся заставлять.

— И ещё, — добавил Виктор, уже поворачиваясь, — Бонд всегда побеждает. Но не потому, что он сильнее. Потому что он умнее. Будь умнее, Лев. Это единственное оружие, которое у тебя не отберут.

Он хлопнул Льва по плечу — легко, почти по-отечески — и ушёл в дом. Туман сомкнулся за его спиной, и Лев остался один, глядя на то, как мир становится белым, пустым и новым.

Лев ездил на неприметной серой как жизнь большин-

ства людей «Тойоте», говорил с десятками спешащих куда-то персонажей, собирал крупицы информации, как старатель промывает золотоносный песок. Старушки на лавочках, уволенные подчиненные, бывшие коллеги, продавщицы в ларьках - все они становились его информаторами в миссии, не подозревая об этом. Он подкупал, он убеждал, он врал, он перевоплощался. Он стал тем, к кому ранее всегда относился с легким презрением. И внезапно обнаружил, что презирать гораздо труднее, когда сам носишь ту же маску.

Использовав метод включенного наблюдения он по ходатайству Виктора устроился в тот же департамент министерства, быстро свел приватное знакомство с секретаршей объекта. Секретарша оказалась женщиной лет сорока, одинокой, с уставшими глазами и избытком доверия к мужчинам, которые говорят цветистые комплименты и одаривают элитными сладостями. Потом они пили белое вино в постели, говорили смешные глупости и занимались любовью. Она много говорила, о себе, о своих бывших и конечно о своем начальнике. Лев задавал вопросы и внимательно слушал. А когда она заснула в своей постели, он сидел в кресле у окна и думал о том, что в этой игре нет победителей, есть только те, кто достаточно циничен, чтобы не называть свои пороки добродетелями.

Он ушел утром, унося в своей памяти целый архив на её босса - более полный, и скорее более исчерпывающий, чем все открытые источники вместе взятые.

Его работа как оказалось была чем-то средним между профессией сыщика и ремеслом профайлера. Он составлял психологические портреты, рисовал таблицы, схемы. Он соединял пунктирами факты, связь которых которые никто не замечал. Он искал логику там, где её не должно было быть, и почти всегда находил. Потому что человек предсказуем. Человек слаб. Человек хочет, как ребенок того, что ему недоступно.

Когда Лев закончил последнюю страницу досье, он перечитал её дважды - сначала глазами аналитика, потом глазами заказчика, который не прощает небрежности. Затем закрыл папку, положил на стол перед Виктором Люцановичем и сделал шаг назад. Жест старого репортера: не нависать, когда сдают работу.

Виктор Люцанович открыл папку. Перелистывал страницы медленно, но не задерживаясь. Лев знал эту манеру у опытных начальников: они смотрят не на слова, а как бы между ними. Там, где скрывается настоящий смысл.

Через каждые две-три страницы Виктор Люцанович произносил:

— Très bien.

Первый раз — глядя на схему связей. Второй — на психологический портрет чиновника. Третий — на последний лист, где Лев коротко, в три абзаца, сформулировал главный вывод.

- Très bien, — произнес Виктор Люцанович в четвертый

раз и снял очки.

Он посмотрел на Льва. В его серых глазах не было ни торжества, ни удовлетворения. Только спокойное, почти отеческое одобрение - как у профессора, который поставил пятерку, но не хочет, чтобы студент слишком гордился.

- Ну что ж, — сказал он, отодвигая папку. - Картина ясна. Хорошая работа.

Он кивнул на коробку, стоящую на краю стола - темно-синюю, с золотым тиснением, перевязанную лентой.

- Марципан. Из Любека. Лучший в мире. Угощайся.

С этого момента Виктор Люцианович стал вести себя с ним теплее и как-то более заботливей спрашивал о самочувствии. Не фамильярно - теплота в его исполнении была сродни легкому повышению температуры у человека, который никогда не болеет. Но Лев заметил изменения: хозяин начал здороваться первым, иногда спрашивал не только о делах, но и о том, выспался ли Лев, нравится ли ему условия работы, комфортно ли ему, вовремя ли исполняет Лера его просьбы.

Поручения Виктора становились разнообразнее.

Раньше Лев просто получал досье на людей, которых никогда не видел. Теперь Виктор Люцианович перед заданием комментировал объект - коротко, в двух-трех фразах, но так, что Лев понимал не только кого просветить, но и для чего.

Дня через два, ближе к вечеру, Лев стоял у окна своей комнаты и пил кофе. День выдался длинным, очередной отчет был готов уже в обед, и он позволил себе роскошь сде-

лать паузу - смотреть, как сумерки опускаются на Тенистую улицу.

В этот момент к воротам подкатил «Геленваген».Дорогая игрушка для тех, кому «Майбах» кажется слишком скромным для его статуса.

Из машины выкарабкался человек в пальто.

Лев узнал его сразу. Походка. Пробор. Дмитрий Сергеевич Чистяков - тот самый объект, чье досье Лев сдал два дня назад - бодрым, щеголеватым шагом буквально подплывал к крыльцу. Швейцар в красной ливрее открыл дверь.

Встреча Виктора с чиновником продолжалась долго. Окна кабинета Виктора выходили в сад, и свет там горел до позднего вечера.

Уже около десяти Лев вышел прогуляться перед сном. Небольшой садик за домом - несколько старых лип, скамейка, фонтан - стал его вечерним обязательным ритуалом. Тишина, холодный воздух, тени.

И тут дверь главного дома в ночной тишине скрипнула и из дверей буквально вывалился Чистяков.

От легкости не осталось и следа. Грузный. Ссутулившийся так, будто химера сидела у него на плечах.

Он медленно преодолевал расстояние от крыльца до машины так, словно каждый шаг давался ему с трудом. Открыл дверь. Сел. Замер.

Минут Пять сидел неподвижно. Лев не видел его лица - только силуэт за тонированным стеклом. К машине подошел

швейцар. Встал рядом, чуть сбоку, и ждал. Как ждут, когда засидевшийся гость наконец поймет, что уже пора.

Чистяков завел двигатель. «Геленваген» плавно тронулся, проехал сквозь открытые ворота и исчез в темноте улицы.

Лев постоял еще минуту. В кабинете на втором этаже все так же горе светл.

Как правило, к шести вечера Лев уже возвращался в свой блок. Пил кофе - черный, без сахара. Готовил отчет на утро: сухие факты, таблицы, выводы без субъективного контекста. Готовился ко сну. Перед сном читал – книги, которые он заказывал Лере о технологиях сбора и работы с информацией, а также книги любимых классиков. На прикроватной тумбочке всегда было 5-6, книг которые он читал попеременно подряд небольшими дозами.

К концу месяца его лихорадочная, суматошная жизнь вполне компенсировалась свитым за это время уютом.

Его блок стал обжитым логовом с кофеваркой, проигрывателем виниловых пластинок, небольшой коллекцией любимых исполнителей, ортокреслом, торшером, ковром.

В один из дней на телефон пришло уведомление о зачислении обещанного жалования. Сумма впечатляла.

И на душе у него стало вдруг умиротворенно и радостно. Как будто плохой спектакль закончился и занавес над мраком нелепого прошлого упал. И прошлое стало казаться отдаленным и чужим.

Претерпел качественные перемены и гардероб Льва.

Привыкший к дендизму - тому самому, старомодному, когда мужчина одевается не для других, а для собственного удовольствия от хорошо сидящей ткани подглядев в дорогих журналах он заказал твидовый пиджак - цвета горького шоколада, с локтевыми накладками из замши, с двумя разрезами сзади, чтобы удобно сидеть за рулем и не мять линию. Пиджак, от которого пахло бы Англией и дождем, даже если никогда не выходишь из машины. Твид не кричит о деньгах, он шепчет о вкусе.

Следом пришли рубашки - итальянский лен, прохладный и тяжелый, как хорошая проза. Обувь он заказывал отдельно. Две пары: оксфорды из черной кожи, узкие, как лондонская улица, и более свободные дерби цвета виски - для долгих дней, когда приходилось много ходить и много ждать. И галстуки. Целых семь. От темно-бордового до графитового. Лев никогда не носил галстуки каждый день, но теперь они стали частью его униформы.

В зеркале его комнаты теперь отражался человек, которого он узнавал с трудом. Не потому, что одежда была дорогой. А потому, что она сидела идеально. Как будто портной шил ее специально на него, зная все изгибы тела, все привычки, все слабости. Конечно же дело было не в портном. Это Лев изменился. Или его меняли - день за днем, поручение за поручением, семизначная сумма за сумизначной суммой.

Однажды, надев новый твидовый пиджак перед утренним докладом, он поймал себя на мысли, что чувствует себя в

нем увереннее.

Как-то незаметно изменилась и аура ежедневных завтраков. Через месяц в столовой с ним уже здоровались иначе. Лера однажды предложила налить ему кофе. Елена спросила, не нужны ли ему новые очки (не нужны, но он поблагодарил). Стас хлопнул по плечу и сказал: «Классно выглядишь, старик».

А Глеб когда они остались вдвоем, посмотрел на него своими маленькими, пробковыми, ничего не выражающими глазами - и чуть слышно произнес: - Ну, ну.

В какой-то момент - он не заметил, когда - он перестал быть чужим. Лед недоверия вокруг него таял, “оркестранты” стали меньше осторожничать. Он вдруг почувствовал себя частью этого единого механизма, этого странного оркестра. За окном, за темными деревьями Лазоревой улицы, плыли редкие облака. Лев подумал: «Как быстро привыкаешь к тому, что когда-то казалось маловероятным».

Глава 6. Где схемы обретают плоть, тени становятся партнерами, а Лев учится читать между строк

Прошел месяц. Или два. Время на Лазоревой улице текло иначе — не линейно, а циклично, как вода в старом фонтане за домом. Каждое утро — Штраус из динамика. Каждый завтрак — обмен редкими репликами в обеденной зале. Каждый вечер — отчет, ужин, кофе, книга, сон.

Но постепенно, как проявляется фотопленка в кислоте,

мир вокруг Льва начал обретать плоть.

Фонд развития регионов, как он выяснил, изучая документы, был не просто фондом. Это был механизм. Сложный, многоступенчатый, смазанный деньгами и работающий с точностью швейцарского хронометра. Разветвленная филиальная сеть — в каждом городе России с населением свыше полумиллиона человек. Не везде полноценные офисы, но везде — люди. Свои, проверенные.

На верхушке пирамиды — московский офис. Курировала сеть Варвара Сергеевна Лузгина. Лев впервые увидел её на утреннем совещании, на которое Виктор Люцианович пригласил его во второй половине второй недели. Она вошла в кабинет без стука — единственная, кому это позволялось. Ей было за пятьдесят, но возраст угадывался только по глазам — усталым, всё видевшим, ничего не принимающим на веру. Волосы — седые, коротко стриженные. Лицо — умное, с крупными чертами. Она не улыбнулась Льву. Только сухо кивнула.

— Новый? — спросила она, глядя на Льва как врач, уже поставивший диагноз, но не спешащий его озвучивать.

— Новый, — подтвердил Виктор.

— Тогда ему придется много поездить, — сказала она, открывая планшет. — Регионы не любят, когда о них судят по сводкам.

Она начала перечислять города, в которых накопились проблемы. Говорила коротко, без эмоций. Но между строк

Лев слышал другое: война. Там, в регионах, шла война — за активы, за потоки, за влияние. И фонд был генеральным штабом.

Лев начал замечать ритм резиденции. С утра — тишина. Только швейцар у входа, только Лера в приёмной, только кофе в медной турке. Но ближе к обеду двор на Лазоревой оживал. Машины подъезжали одна за другой — черные, серые, дорогие, с номерами, которые Лев научился читать как книгу. Е77 — Федеральная служба охраны. АМР — Администрация президента. Просто номера без флажков — бизнес, крупный и очень крупный.

Люди были разными. Одни заходили в дом как к себе — не оглядываясь, не здороваясь с швейцаром. Другие робели, поправляли галстуки. Вторые, как заметил Лев, задерживались в кабинете дольше.

Сам Виктор Люцианович выезжал по делам почти каждый день.

А потом, на третьей неделе, Виктор взял Льва с собой.

Они встретились в старом ресторане с тяжёлыми портьерами и приглушённым светом, где столики стояли так далеко друг от друга, что соседнюю фразу можно было разобрать только если очень сильно напрячь слух. Виктор заказал столик в углу, у окна, откуда просматривался весь зал.

— В этом бизнесе главное — видеть, — пояснил он. — Не слышать, не знать — видеть. И чтобы тебя не видели.

Партнером оказался мужчина лет сорока пяти, с лицом,

которое Лев видел на обложках деловых журналов. Олигарх. Разговор шёл о регионе, о строительстве, о земле. О том, что «местные» не пускают.

— Я им предложил нормальные условия, — говорил олигарх. — А они артачатся.

— Губернатор? — уточнил Виктор.

— Губернатор. И его команда. Но губернатор — это симптом. Болезнь глубже.

Виктор кивнул.

— Болезнь лечится. Вопрос в диагнозе и рецепте.

Они говорили ещё час. Лев не проронил ни слова. Олигарх перечислил имена — чиновников, глав администраций. Виктор не записывал. Он просто кивал, иногда задавал уточняющие вопросы, иногда называл фамилии людей, о которых олигарх не упоминал, но которые, судя по реакции, были в курсе дела.

— У вас там завелся «крот», — сказал Виктор под конец. — Второй человек в департаменте строительства.

Олигарх понял. Кивнул.

— Ваши условия?

— Стандартные.

Но настоящая демонстрация власти произошла на следующий день.

Лев сидел в приёмной, когда Виктор Люцианович принимал очередного просителя. Дверь кабинета была приоткрыта, и Лев слышал всё.

— Виктор Люцианович, — голос был вкрадчивым, почти умоляющим, — помогите. Мне нужно, чтобы в департаменте подписали одно разрешение. Всего одно. Без него я не могу запустить производство. Чиновники уже полгода кормят завтраками.

Лев подошёл к двери и заглянул в щель. За столом, сжавшись в кресле, сидел мужчина лет сорока — дорогой костюм, но глаза уставшие, затравленные. Виктор Люцианович слушал, не перебивая. Потом взял телефон, набрал номер.

— Вадим Александрович, — сказал он ровным голосом. — Привет. Да, по делу. У меня тут сидит человек, говорит, у него зависло разрешение. В вашем департаменте. Месяц. Или два. — Пауза. — Нет, нет, это все не важно. Важно, чтобы завтра утром он его получил. Иначе мне придется задуматься, почему ваши показатели за последние полгода понизились.

Он слушал ответ ровно три секунды. Потом положил трубку.

— Завтра в десять зайдете, — сказал он предпринимателю. — Всё будет готово.

Мужчина закивал, забормотал благодарности. Виктор поднял руку, останавливая его.

— Не благодарите. Просто в следующий раз когда мне понадобится ваша помощь попрошу быть таким же безотказным.

Предприниматель вышел. Лев отошел от двери, стараясь,

чтобы его не заметили.

Виктор Люцианович вышел из кабинета, остановился напротив Льва и усмехнулся.

— Не подслушивай, Лев - по отечески пожурил он его - Или подслушивай, но не попадайся.

Через неделю была ещё одна встреча. С директором федеральной продуктовой сети. Тот жаловался на региональные власти, которые «кошмарят» его магазины.

— Мне нужен человек, который поговорит с главой региона, — сказал директор. — Неформально.

— У вас есть компромат на конкурентов? — спросил Виктор.

— Есть. Но он не полный.

— Значит, нужно дособирать, — отрезал Виктор. — Я дам вам контакты.

Директор закивал, благодарный, почти подобострастный. Лев смотрел на него и думал: этот человек управляет тысячами сотрудников, миллиардными оборотами. А здесь, напротив Виктора, он — маленький, зависимый, просящий.

Власть. Она была не в деньгах. И не в должностях. Она была в информации. И в способности эту информацию правильно применить.

Через несколько дней таких поездок Лев попросил Виктора о встрече. Не о поручении — о разговоре.

— Вы хотите понять, как это работает, — сказал Виктор, когда они остались вдвоём в его кабинете.

— Да, — признался Лев.

Виктор долго молчал. Потом встал, подошёл к гобелену на стене — тому самому, где склонялись фигуры перед сидящим в центре.

— Это просто, Лев. Удивительно просто. Вы смотрите на страну, на бизнес, на власть — и видите хаос. Я вижу систему. Несовершенную, коррумпированную, но систему. В этой системе есть рычаги. Есть точки входа. Есть люди, которые могут принимать решения, и люди, которые могут этим решениям мешать.

Он повернулся.

— Мой фонд — это не благотворительность. Это инструмент. Я беру деньги у тех, кто хочет войти в регион, убрать конкурента, получить преференцию. И я решаю их проблемы.

— Как?

— Компромат — самый надёжный способ. Не потому что я шантажист, Лев. Потому что знание как распорядиться набором нужных сведений - единственная валюта, которую уважают и понимают все.

Он усмехнулся.

— Я не создаю компромат. Я его нахожу. Или покупаю. Или обмениваю. Информация течёт, Лев, как вода из крана. Нужно только знать, под какой кран подставить тазик.

В ту ночь Лев долго не мог уснуть. Он лежал на кровати в своей комнате, глядя в потолок, и перебирал в голове

всё, что увидел за последние недели. Схемы, которые Виктор выстраивал с математической точностью. Людей, которые платили — не деньгами, а лояльностью, страхом, надеждой. Предпринимателя, который получил разрешение за один звонок. Олигарха, который слушал Виктора как пророка. И вдруг его накрыло. Не постепенно, а разом — как холодная волна, которая сбивает с ног. Он сел на кровати от ощущения что задыхается. В комнате стало душно, хотя окно было открыто и свежий воздух наполнял ее всю.

Он подошёл к мини-бару, который стоял в углу. Руки дрожали, когда он открывал бутылку коньяка. Налил полбокала, выпил залпом. Но от коньяка ему лучше не стало. Мертвенный холод после обжигающего глотка начал распространяться по всему телу.

«Системный интегратор, — повторил он про себя. — Звучит красиво. Почти как архитектор. Но архитектор строит. А этот... этот управляет. Чужими страхами, чужими деньгами, чужими судьбами».

Он подошёл к окну. На Лазоревой улице уже полночь. Но Виктор Люцианович похоже еще не ложился. У ворот остановился ещё один автомобиль — серебристый «Мерседес», из которого вышел грузный мужчина в дорогом пальто. В кабинете на втором этаже горел свет.

Он лёг на кровать и через некоторое время заснул. Ему снилось как его тело тонкими щупальцами врастает в стены дома, становится частью дышащего огромного монстра. И он

становится частью ритма его дыхания.

На следующий день он решил погрузиться глубже в личность Виктора Люцианович. Он перерыл весь интернет. Десятки поисковых запросов, комбинации ключевых слов, закрытые базы, архивы новостных агентств, региональные порталы. Он использовал весь свой профессиональный инструментарий, но информации было немного.

Выглядело это неправдоподобно - влиятельный человек преклонного возраста без прошлого.

Лев закрыл ноутбук, вышел на балкон. Закурил — хотя давно не курил. Странная это штука — люди без прошлого. Обычно они или чего-то стыдятся, или чего-то боятся. Или просто хотят начать новую жизнь. Но Виктор Люцианович не походил ни на одного из них. Он не выглядел как человек, который скрывает прошлое.

Лев вернулся в комнату, открыл ноутбук и начал копать глубже. Не в открытых источниках — в тех, куда обычный пользователь не заходит без специальных навыков и знакомств. Он использовал всё, чему научился за годы работы журналистом, блогером и позднее - в фонде: старые базы данных, закрытые архивы региональных газет, оцифрованные метрические книги, списки выпускников элитных учебных заведений. Залез в ОСИНТ. Проверял старые версии сайтов через Wayback Machine. Искал патенты, свидетельства, судебные дела. Сканировал фотографии в поисках отражений в стеклянных дверях.

И… нашёл.

Первое упоминание — 1991 год. Короткая заметка в московском деловом еженедельнике: «Виктор Люцианович Юнкер, выпускник МГИМО, назначен советником по экономическим вопросам в представительстве одной из западных компаний». Дальше — два года тишины.

Второе — 1993 год. Совсем другая заметка, региональная, из какого-то уральского городка: «Местный предприниматель Виктор Юнкер открывает первый в области частный пенсионный фонд». Фотография была чёрно-белой, размытой, но Лев узнал этот профиль — высокий лоб, глубокие морщины, глаза, которые смотрели сквозь объектив с той же спокойной уверенностью, что и сейчас. Только тогда он был моложе. Намного моложе. Лет на тридцать.

Третье — 1999 год. Снова Москва. Снова деловая пресса: «Юнкер возглавляет консорциум инвесторов, выкупивших контрольный пакет акций обанкротившегося машиностроительного завода». Через год завод продан, прибыль — колоссальная.

Четвёртое — 2003 год. Диссертация в РУДН. Доктор философских наук. Тема: «Диалектика этического и онтологического в структуре морального выбора: метафизические основания ответственности». В переводе с академического на человеческий: «Как отличить добро от зла, когда они почти неотличимы, и как за это знание не заплатить».

Дальше — десятки упоминаний. Петербургский экономи-

ческий форум, Давос, закрытые заседания в Совете Федерации. Виктор Люцианович был везде. Он появлялся в нужное время в нужном месте, как будто кто-то сверху составлял для него расписание.

Лев проверил даты ещё раз. 1991 — выпускник МГИМО. Если предположить, что он поступил в восемнадцать, а учился пять лет, то в 1991-м ему должно было быть двадцать три — двадцать четыре. На фотографии из уральской газеты, сделанной в 1993-м, ему было никак не меньше сорока. Сорок — это когда морщины уже глубокие, когда глаза не просто смотрят — они видят. Сорок лет в двадцать четыре — такого не бывает.

Лев залез в архив МГИМО. Списки выпускников за 1991 год. Фамилии, имена, отчества. Виктор Люцианович Юнкер значился в списке. Но фотографии в архивном деле не было. В графе «дата рождения» стояло: «07.07.1968». Двадцать три года в 1991-м. Всё сходилось. Почти.

Тогда Лев заглянул в другие списки. 1975 год. Выпускники исторического факультета МГУ. И там, на тридцать седьмой странице, в самом низу, мелким шрифтом: «Юнкер В.Л.» Без отчества. Без даты рождения. Просто фамилия и инициалы. Рядом — приписка: «Диплом с отличием. Тема: "Философские основания раннехристианской теодицеи"».

Лев закрыл глаза. Он чувствовал, как под пальцами, лежащими на клавиатуре, набухает влага. Если это был тот же самый человек — значит, в 1975-м он уже учился на последнем

курсе. Значит, родился он не позже 1954 года. Тогда в 1993-м ему должно было быть почти сорок. На фотографии ему было сорок. Но в 1991-м он числился выпускником МГИМО 1968 года рождения.

Лев открыл глаза и посмотрел на экран. Перед ним был список. Три даты рождения. Три биографии. Три разных возраста, но одно лицо.

Он нашёл ещё одну запись. 1985 год. Журнал «Наука и религия», статья о современных мистических течениях. Автор — Виктор Юнкер. В подписи к статье — пояснение: «кандидат философских наук, доцент». Доцент в 1985-м — это минимум тридцать пять лет. Если он родился в 1968-м, в 1985-м ему было семнадцать. Семнадцатилетние доцентами не бывают.

Лев откинулся на спинку стула. Он смотрел на экран и пытался собрать эти разрозненные куски в единую картину, но она не складывалась. Каждый раз, когда он думал, что нашёл ответ, появлялось новое противоречие.

Виктор Люцианович был везде. Он был в 1975-м, в 1985-м, в 1991-м, в 2003-м. Он был выпускником, доцентом, предпринимателем, философом, инвестором. Его следы находились в самых разных местах, и каждый след был безупречен — документы настоящие, даты сходятся, факты проверяемы. Но все вместе они не могли принадлежать одному человеку. Просто не могли. Три биографии в одной жизни — это слишком даже для человека с самыми влиятельными связя-

ми.

Лев в возбуждении вышел на балкон и закурил снова. Дым уходил в ночное небо, смешиваясь с облаками. Он думал о тех, кто скрывает прошлое. Обычно это делают по трём причинам.

Первая — стыд, когда есть что скрывать. Ты был кем-то, кем не хотел быть. Или сделал что-то, что не хочешь вспоминать. Ты зарываешь свою историю в землю, как старую кость, и молишься, чтобы ее не отрыли.

Вторая — страх. Ты боишься, что правда сделает тебя уязвимым. Что кто-то использует твоё прошлое как оружие. Что тени, которые ты оставил за спиной, однажды догонят тебя и призовут к ответу.

Третья — выгода. Ты стираешь прошлое, чтобы переписать будущее. Ты становишься чистым листом, потому что на чистом листе можно написать всё что угодно. Ложь становится биографией, а биография — товаром.

Но есть и четвёртая причина. Когда прошлое - не прекращающееся настоящее.

Когда ты не скрываешь прошлое, а просто не можешь его записать, потому что оно всё ещё длится. Когда твоя история не умещается в архивы не потому, что ты её стёр, а потому что она не закончилась. И никогда не закончится. Ты не прячешь прошлое — оно просто другая временная форма глагола. А настоящее архивированию не подлежит. Его нельзя сохранить, как нельзя сохранить дождь или чужой взгляд.

Оно просто есть.

Когда ты был тем, кто зажёг первую звезду, а теперь сидишь в этом кресле и поправляешь галстук. Когда твоё имя — свет, а твоя суть — падение, и это не противоречие, а единственная правда, которую ты знаешь. Когда ты смотришь на человеческую суету и понимаешь: они прячут свои ошибки, а ты прячешь свою вечность. Потому что вечность — это слишком длинная биография и она не поделена на фрагменты. И ты одновременно существуешь в каждом из них. Слишком много дат. Слишком много имён. Слишком много падений и слишком много надежд, которые не оправдались.

Слишком много дат. Слишком много имён. Слишком много жизней, которые ты успел прожить.

Он вернулся в комнату, открыл ноутбук и на чистом листе написал:

«Виктор Люцианович Юнкер — кто Вы?»

Он сохранил файл и выключил компьютер. Лёг на кровать с открытыми глазами, глядя в потолок. Ему казалось, что он слышит тихий смех за стеной. Или это просто ветер скрежетал о кровлю дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.